

Научная статья

УДК 944

EDN [PMXLOY](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2026-31-4-1063-1076)

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2026-31-4-1063-1076>

Трансформация крестьянских миграций: от отходничества к оргнабору

Наталья Анатольевна Потапова

ФГБУН «Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук»
630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
skna17talya@mail.ru

Аннотация

Актуальность. В 1920–1930-е гг. в СССР произошла кардинальная трансформация системы регулирования рынка труда: от либеральных механизмов свободного найма периода нэпа к жесткому централизованному контролю за перемещением и использованием рабочей силы. В этих условиях кампания по паспортизации, начатая в стране в 1932 г., стала «фильтром», предоставляя право на проживание в городе только тем, кто мог подтвердить свою вовлеченность в «социально полезный труд» и был необходим для индустриализации. Цель исследования – подтвердить научную гипотезу о том, что эволюция государственной политики в сфере занятости в указанный период представляла собой поэтапный переход от стихийного отходничества к системе организованного набора и паспортной системе, которые, будучи направлены на мобилизацию трудовых ресурсов, сопровождались институциональными противоречиями и сохранявшимися дефицитом рабочей силы.

Материалы и методы. Исследование базируется на анализе нормативно-правовых актов (постановления СНК, ЦИК, ведомственные инструкции), статистических данных и делопроизводственных материалов, что позволило реконструировать этапы и механизмы регулирования рынка труда.

Результаты исследования. Рассмотрены этапы регулирования отходничества с конца 1920-х гг. Проанализирована трансформация отходничества из преобладающей формы свободной миграции (пик 5,4 млн человек в 1931 г.) в систему оргнабора, законодательно закрепленную как единственный легальный канал трудоустройства колхозников. Обосновано, что введение паспортного режима в 1932–1933 гг. разделило население на городских и сельских, ограничив мобильность крестьян, но сохранив механизмы их временного привлечения через оргнабор. Доказано, что, несмотря на формальное расширение контролируемого набора, система страдала от ведомственной несогласованности, высокой текучести кадров и не покрывала реальных потребностей промышленности.

Выводы. Система оргнаборов в 1930-е гг. совместно с паспортным режимом ограничивает стихийную трудовую миграцию крестьян, ограничив каналы для свободного переезда в города и трудоустройства. К концу десятилетия вектор политики окончательно сместился от количественного набора к закреплению рабочей силы на производстве, что предопределило переход к мобилизационным моделям регулирования в последующий период.

Ключевые слова: отечественная история, оргнаборы, отходничество, отходники, коллективизация, индустриализация, паспортизация, паспорт, режимные местности, нережимные местности

Финансирование. Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI в.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

Вклад автора: Н.А. Потапова – постановка проблемы исследования, сбор и анализ нормативно-правовых актов, проведение исследования, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Потапова Н.А. Трансформация крестьянских миграций: от отходничества к оргнабору // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Т. 31. № 4. С. 1063-1076. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2026-31-4-1063-1076>, <https://elibrary.ru/pmxloy>

Original article

EDN PMXLOY

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2026-31-4-1063-1076>

Transformation of peasant migrations: from otkhodnichestvo to organized recruitment

Natalia A. Potapova

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
8 Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

skna17talya@mail.ru

Abstract

Importance. In the 1920s–1930s, the USSR underwent a radical transformation of the labor market regulation system: from the liberal mechanisms of free hiring during the New Economic Policy (NEP) to strict centralized control over the movement and use of labor. Under these conditions, the passportization campaign launched in the country in 1932 became a “filter,” granting the right to reside in cities only to those who could confirm their involvement in “socially useful labor” and were deemed necessary for industrialization.

Materials and Methods. To confirm the scientific hypothesis that the evolution of state employment policy during this period represented a phased transition from spontaneous otkhodnichestvo (seasonal labor migration) to a system of organized recruitment (orgnabor) and the passport system, which, while aimed at mobilizing labor resources, were accompanied by institutional contradictions and a persistent labor shortage.

Methods and methodology. The research is based on the analysis of normative legal acts (decrees of the Council of People’s Commissars, the Central Executive Committee, departmental instructions), statistical data, and records management materials, which made it possible to reconstruct the stages and mechanisms of labor market regulation.

Results and Discussion. The stages of regulating otkhodnichestvo from the late 1920s are examined. The transformation of otkhodnichestvo from the predominant form of free migration (peak of 5.4 million people in 1931) into a system of organized recruitment, legislatively established as the only legal channel for employing collective farmers, is analyzed. It is substantiated that the intro-

duction of the passport system in 1932–1933 divided the population into urban and rural, restricting peasant mobility while retaining mechanisms for their temporary attraction through organized recruitment. It is proven that, despite the formal expansion of controlled recruitment, the system suffered from inter-departmental inconsistency, high staff turnover, and failed to meet the actual needs of industry.

Conclusion. In the 1930s, the system of organized recruitment, together with the passport regime, constrained spontaneous labor migration of peasants, limiting channels for free relocation to cities and employment. By the end of the decade, the policy vector had definitively shifted from quantitative recruitment to securing the workforce in production, which predetermined the transition to mobilization models of regulation in the subsequent period.

Keywords: national history, organized recruitment, otkhodnichestvo, seasonal migrant workers (otkhodniki), collectivization, industrialization, passportization, passport, restricted zones, non-restricted zones

Funding. The research is carried out within the framework of the topic of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

Author’s Contribution: N.A. Potapova – research problem statement, collection and analysis of regulatory legal acts, research investigation, writing – original draft preparation.

Conflict of Interests. The author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Potapova, N.A. (2026). Transformation of peasant migrations: from otkhodnichestvo to organized recruitment. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 31, no. 4, pp. 1063-1076. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2026-31-4-1063-1076>, <https://elibrary.ru/pmxloy>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Отходничество – практика временной, чаще сезонной работы крестьян вне места постоянного жительства – стало развиваться в Российской империи после реформы 1861 г. В XX веке это явление, как часть крестьянской миграции, подверглось коренным изменениям и было трансформировано в организованный набор (оргнабор). Будучи тесно связанным с внутренними перемещениями, отходничество, по мнению ряда исследователей, возродилось и в постсоветской России, где оно часто известно как вахтовый метод трудоустройства [1]. Придерживаясь этой логики, исследователи выделяют три периода существования этого явления: дореволюционный, советский и современный.

Значительный объем трудов по данной тематике посвящен периоду существования Российской империи. Так, например, в монографии А.В. Перепелицына и В.Н. Фурсова рассматривается история крестьянского хозяйства в центрально-черноземной деревне в

60–90-е гг. XIX века, уделяется внимание характеристике крестьянских промыслов [2].

В советском периоде исследователей особенно привлекает довоенный этап, так как в это время трансформация отходничества была связана с процессами индустриализации, коллективизации и паспортизации. Так, например, исследование В.А. Исупова посвящено источниковедческому анализу паспортной статистики как инструмента изучения миграций. Автор детально характеризует механизм получения данных на основе прописки-выписки паспортов, сложившийся к середине 1930-х гг., и оценивает информативность и достоверность этих сведений [3]. Н.Н. Аблажей сделала вывод о том, что паспортизация серьезно ограничивала возможности крестьян наниматься на работу в городах [4]. В работе Н.А. Потаповой показано, что на протяжении 1920-х гг. советское государство последовательно переходило от пассивных мер изучения и учета отходничества к жесткому огосударствлению трудовой миграции, сокращая возможности для отхода [5].

Ряд исследователей, рассматривая трудовые миграции после распада СССР, приходят к выводу, что феномен вахтового труда исторически вырос из дореволюционного отходничества [1; 6].

Таким образом, проблематика отходничества привлекает интерес исследователей до настоящего времени, а историография трудовых миграций 1920–1930-х гг. характеризуется переходом от описательных моделей к комплексному анализу взаимодействия государственной политики и миграционных стратегий населения. Перспективными направлениями дальнейших исследований остаются региональные особенности реализации оргнаборов, социальная история отходников (их быт, адаптация, идентичность) и сравнительный анализ советской модели регулирования миграций с практиками других индустриальных обществ того времени.

Введение новой экономической политики советским руководством стимулировало развитие рыночных механизмов, однако одновременно обнажило глубинные социально-экономические проблемы. Наиболее ощутимым негативным последствием первых послереволюционных лет стала массовая безработица. Завершение Гражданской войны и сокращение численности Красной армии спровоцировали масштабный приток населения в города, включая беженцев и обедневших крестьян. Возрождающаяся после военных и революционных лет промышленность оказалась неспособна трудоустроить столь значительное число людей. К 1927 г. ситуация обострилась до хронической стадии: количество официально зарегистрированных безработных превысило 1,5 млн человек, причем сложности с поиском работы испытывали не только неквалифицированные кадры, но и инженерно-технические специалисты [7].

Вплоть до конца 1920-х гг. на рынке труда доминировала свободная конкуренция между рабочими, а предприятия самостоятельно занимались наймом кадров. Главной формой территориального перераспределения рабочей силы выступала миграция, кото-

рая в деревне реализовывалась через отходничество. Интенсивность этого процесса напрямую коррелировала с уровнем аграрного перенаселения в регионах и потребностями городской экономики. Статистика демонстрирует устойчивый рост числа отходников: если в 1923–1924 гг. их насчитывалось около 1,67 млн, то к 1926–1927 гг. этот показатель достиг 3,1 млн человек. Преобладающая часть крестьян (порядка 89 %) уходила на заработки в несельскохозяйственную сферу. Наибольшую долю среди них составляли разнорабочие (664,2 тыс.), строители (582,3 тыс.) и сплавщики леса (579,1 тыс.). По численности отходников лидировал Центрально-промышленный район (875,4 тыс.), за ним следовали Украинская ССР (515,8 тыс.) и Центрально-Черноземный район (292,3 тыс.)¹. Отходничество носило преимущественно сезонный характер, было краткосрочным, в среднем не превышая пяти месяцев.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основу источниковой базы составили нормативно-правовые акты высших органов государственной власти и управления – постановления Совета Народных Комиссаров СССР, Центрального Исполнительного Комитета, ведомственные инструкции Народного комиссариата труда, Народного комиссариата земледелия, Народного комиссариата тяжелой промышленности, а также циркуляры Главного управления рабоче-крестьянской милиции. Данная группа источников позволила проследить эволюцию правового регулирования отходничества и организации набора, выявить хронологические этапы ужесточения государственного контроля над трудовой миграцией.

Важное место в источниковой базе занимают статистические материалы, отражающие масштабы и динамику отходничества и оргнаборов. В работе использованы обобщенные данные о численности отходников за 1923–1929 гг., сведения о количестве завер-

¹ Отход сельского населения на заработки в СССР в 1926/27 г. Москва, 1929.

бованных в промышленность в период первой пятилетки (1931–1940 гг.), а также региональные статистические показатели, характеризующие соотношение спроса и предложения на рынке труда в Сибирском крае, Ленинградской области и других территориях. Эти материалы позволили не только установить количественные параметры миграционных процессов, но и выявить их отраслевую и территориальную дифференциацию.

В ходе исследования привлекались делопроизводственные материалы государственных органов и ведомств, в том числе отчеты комиссий ВЦИК о ходе паспортизации, докладные записки руководства НКВД, акты проверок предприятий и местных органов власти. Данные источники дают возможность оценить эффективность принимавшихся мер, выявить проблемы межведомственного взаимодействия и степень фактической реализации законодательных предписаний.

Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма и системности, предполагающих рассмотрение государственной политики в области регулирования миграций в контексте общей логики индустриальной и аграрной модернизации СССР. В работе использован историко-генетический метод, позволивший выявить этапы эволюции системы оргнабора и паспортного режима, проследить преемственность и изменения в подходах власти. Применение сравнительно-правового метода дало возможность сопоставить различные нормативные акты, определить направленность законодательных новаций и их влияние на правовое положение крестьян-мигрантов. Статистический анализ использовался для обработки количественных данных о численности отходников, соотношении спроса и предложения рабочей силы, доле организованно привлеченных кадров. Комплексное применение названных методов позволило реконструировать процесс трансформации крестьянских миграций как многофакторное явление, в котором переплетались экономические интересы государства, ведомственные

противоречия и социальные последствия для аграрного населения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На протяжении 1920-х гг. государство принимало ряд мер в целях борьбы с безработицей, а также для обеспечения плановости регулирования рынка труда, организованного снабжения трудовыми резервами промышленной сферы, перераспределения рабочей силы, освобождения бирж труда от кадров, работавших по найму, разгрузке городов. Динамика этих процессов и ужесточение подходов позволяют выделить в эволюции государственного регулирования три основных этапа. На первом этапе (1921–1924 гг.) власти сосредоточились на учете масштабов явления. Второй этап (1925–1926 гг.) характеризовался внедрением вербовочной системы. Государство попыталось взять под контроль найм рабочей силы, обязав сельсоветы и биржи труда заниматься организованной вербовкой крестьян. Для стимулирования легального трудоустройства использовались экономические рычаги. Одновременно была создана сеть информационных пунктов для учета отходников и содействия вербовке. На последнем третьем этапе (1927–1930 гг.) регулирование достигло наибольшей жесткости [8]. В условиях свертывания нэпа и начала индустриализации власти ввели запрет на въезд сельского населения в крупнейшие города (Москву, Ленинград и ряд других). Прием на работу теперь разрешался только на основе специальных соглашений между предприятиями и органами труда, а частное посредничество запрещалось. К концу десятилетия сезонных рабочих начали фактически «прикреплять» к определенным предприятиям и территориям, обеспечивая кадрами промышленность Урала, Сибири и Дальнего Востока. Резко сократились возможности сельских жителей по свободному найму на работу в городах. Однако полностью решить проблему неорганизованного отхода на этом этапе не удавалось, а стартовавшая первая индустриальная пятилетка

требовали от правительства мер, которые бы позволяли перенаправлять стихийный наплыв крестьян в города для обеспечения промышленности кадрами.

Стремительная индустриализация кардинально изменила ситуацию на рынке труда: прежний избыток рабочей силы сменился острым кадровым голодом. Перелом наметился уже в 1927 г. Так, в Сибирском крае спрос на рабочие руки впервые обогнал предложение. В 1927–1928 гг. на 118 тыс. человек, ищущих работу, приходилось около 150 тыс. вакансий – порядка 30 тыс. мест остались незаполненными. В следующем году дефицит кадров резко усилился: разрыв между спросом (209 тыс.) и предложением (124 тыс.) достиг 85 тыс. человек². Подобная ситуация приобрела общесоюзный масштаб. В этих условиях в начале 1930-х гг. центральные органы власти, стремясь обеспечить планомерное пополнение промышленности рабочей силой, инициировали принятие законодательных мер. Главной задачей становилось не только упорядочение стихийной крестьянской миграции, но и обеспечение бесперебойного притока рабочей силы в индустриальный сектор путем стимулирования организованного найма, преодолевая при этом сопротивление местного руководства, которое в условиях коллективизации и жестких директивных планов стремилось удерживать крестьян в колхозах для выполнения показателей.

В марте 1930 г. СНК СССР выпустил постановление «Об устранении препятствий к свободному отходу крестьян на отхожие промысла и сезонные работы», предписывающее ликвидировать любые барьеры, мешающие крестьянам уходить на сезонные работы и промыслы³. Документ не только категорически запрещал чинить препятствия отходникам, но и устанавливал уголовную ответственность для должностных лиц, иг-

норирующих данное предписание. Ответственность за реализацию этого решения возлагалась на руководителей районных и окружных исполкомов. По сути, это распоряжение легализовало исход крестьян из деревни, позволяя им покидать хозяйства под предлогом трудоустройства в городе, спасаясь тем самым от коллективизации и раскулачивания. Однако уже спустя год последовала корректировка курса: 30 июня 1931 г. ЦИК и СНК СССР издали совместное постановление № 10/458 «Об отходничестве», вводящее практику организованного набора рабочей силы⁴. Новая система предусматривала поощрительные льготы для тех, кто заключал договоры с хозяйственными структурами. Крестьяне, предпочитавшие действовать самостоятельно, таких преференций лишались. Более того, несоблюдение условий договора могло повлечь за собой утрату государственных субсидий, включая освобождение от сельхозналога и денежных отчислений.

Государство в изданных документах определяло отрасли хозяйства, где требовался труд колхозников, в их числе лесозаготовки, сплав, торфоразработки, строительство и др. Именно в этих отраслях наблюдалась наиболее острая нехватка кадров. Поскольку производственный процесс не нуждался в работниках высокой квалификации, покрыть этот дефицит было вполне возможно за счет привлечения сельских жителей, которым центральные власти гарантировали комплекс льгот. Эти преференции действовали как на самом предприятии, так и сохранялись за ними по возвращении в сельскохозяйственную артель. Так, колхозники, ушедшие на заработки, освобождались от обязательных отчислений части заработка в общественные фонды колхозов. За ними также закреплялось прежнее место работы в хозяйстве и гарантировалось право на трудоустройство после окончания срока договора. Определенные послабления предусматривались и для их семей, но лишь при том условии, что родст-

² Сибирский край. Статистический справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. 804 с.

³ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР (далее – СЗ СССР). 1930. № 18. Ст. 206.

⁴ СЗ СССР. 1931. № 42. Ст. 286.

венники продолжали трудиться в колхозе. В свою очередь, на предприятия, занимавшиеся вербовкой рабочей силы в деревнях, возлагался ряд обязательств. Они должны были обеспечивать завербованных жильем и продовольствием, оплачивать проезд к месту работы и обратно, а также выплачивать суточные в пути. Все перечисленные условия в обязательном порядке фиксировались в двустороннем договоре между колхозником и предприятием.

Предусматривалась система поощрений и колхозам, активно участвовавшим в оргнаборе. Предприятия, а также союзные и местные органы власти брали на себя обязательства по развитию инфраструктуры в тех хозяйствах, которые не препятствовали отходу и давали наибольшее количество рабочих. Стимулирование выражалось в строительстве школ, клубов, детских садов, столовых, а также в приоритетном обеспечении таких колхозов сельскохозяйственной техникой.

Июньское постановление ЦИК и СНК СССР 1931 г. предлагало крестьянам систему организованного набора, подкрепленного экономическими стимулами, в качестве альтернативы стихийному и необеспеченному социальными гарантиями свободному найму (отходничеству), не отменяя при этом полностью прежний порядок. «Самотек» (неорганизованный приток рабочих мигрантов) в города сохранялся [9, с. 48], хотя его масштабы, вероятно, сократились. Между тем проводимая в стране политика коллективизации и раскулачивания вызвала приток нетрудовой миграции в города, в результате которой доля горожан к концу 1930-х гг. выросла в 1,6 раза по сравнению с 1926 г. [10]. Стремительная урбанизация обострила социально-экономические проблемы, и власти ответили на это введением административных преград в ходе паспортной кампании 1932 г., призванной сдержать дальнейшее переселение крестьян.

Новые правила разделили всех граждан страны на две категории, первая имела право на получение советского документа, удостоверяющего личность, и обладала более ши-

рокими правами на проживание, передвижение и трудоустройство в стране. Вторая – сельские жители, выдача паспортов которым не предполагалась, что ограничивало их в праве свободного выезда в города и другие районы [11, с. 180-181]. Кроме того, введение паспортной системы сопровождалось делением регионов СССР на обычные и режимные [12, с. 137]. В последних был введен запрет на постоянное пребывание лиц, признанных властью «социально опасными» или «неблагонадежными», в их числе беглые кулаки, бывшие осужденные и ссыльные, рабочие промышленных предприятий, трудившиеся без официального договора, и др. Проживание в городах, особенно в режимных зонах, ставилось в прямую зависимость от наличия паспорта. Этот документ выступал не только разрешением на постоянное место жительства, но и обязательным условием для трудоустройства наряду с временными удостоверениями. Работодатели обязывались фиксировать в них даты приема и увольнения, что служило для органов милиции инструментом контроля и «социальной фильтрации». Несоблюдение правил паспортного режима каралось строго, вплоть до отправки в исправительно-трудовые лагеря по обвинению в нарушении паспортного режима.

Введение паспортного режима ограничивало крестьянам возможность вольного трудоустройства в индустриальные центры. Но деревня являлась одним из источников пополнения советской промышленности рабочими: доля крестьян в рабочей среде сократилась с 68 % (до паспортизации) до все еще весомых 54 % в 1933–1937 гг.⁵ Полностью отказаться от использования крестьянского труда в условиях кадрового голода было невозможно, поэтому законодательство, в частности постановления СНК СССР № 57/1917 от 27 декабря 1932 г.⁶ и № 861 от 28 апреля 1933 г.⁷, а также правительственная инструкция № 43 от 14 января 1933 г. «О

⁵ Труд в СССР. Москва, 1968. С. 22.

⁶ СЗ СССР. 1932. № 84. Ст. 516.

⁷ СЗ СССР. 1933. № 28. Ст. 168.

выдаче паспортов гражданам Союза ССР в Москве, Ленинграде и Харькове, в 100-километровой полосе вокруг Москвы и Ленинграда и в 50-километровой полосе вокруг Харькова»⁸, вводило не тотальный запрет, а строгую регламентацию пребывания крестьян в городах. Сельские жители, которые согласно апрельскому постановлению паспортов не получали, но могли временно легализоваться в городе при наличии оснований для «общественно-полезного труда» (приглашение с работы, вербовочный договор или справка от колхоза). На основании этих бумаг органы милиции выдавали им годовые паспорта, по истечении срока действия которых крестьяне получали право претендовать на постоянную прописку на общих основаниях.

Отказ в выдаче паспортов применялся к «непроизводственному элементу»: лицам без постоянной работы, часто менявшим место работы («летунам»), дезорганизаторам производства и др. Паспортная система выполняла функцию социального фильтра, предоставляя право на проживание в городе только тем, кто мог подтвердить свою вовлеченность в «социально полезный труд» и был необходим для индустриализации.

Некоторые пункты паспортного законодательства и отдельные предписания, принятые властью в развитие новой системы, регулировали организованные наборы – серьезный канал пополнения промышленного сектора, в то время как неорганизованная миграция трудовых ресурсов фактически оказалась вне закона и могла квалифицироваться как уголовное нарушение. В этих условиях оргнабор оставался чуть ли не единственным каналом легальной миграции сельчан при существенной ограниченности мобильности села.

Январская инструкция СНК СССР 1933 г. обязывала граждан, занятых в сезонных отрядах, оформлять по месту жительства временные удостоверения, фактически выполнявшие роль паспортов. Продлить действие

такого документа можно было в местных органах милиции, однако обязательным условием являлось ходатайство от руководства хозяйственных организаций. Именно это заявление служило основанием для прописки. В свою очередь, отсутствие подтверждения от работодателя автоматически влекло за собой отказ в регистрации.

Следующим шагом, внесшим существенные коррективы в порядок временного ухода колхозников на заработки, стало Постановление ЦИК и СНК от 17 марта 1933 г., которое отменило прежнее решение «Об отходничестве» от 1931 г. Данный документ законодательно закрепил систему оргнабора в качестве единственного легального канала трудоустройства колхозников на промышленных объектах (про единоличников в постановлении уже ничего не говорилось). Вводились усложненные бюрократические процедуры, призванные минимизировать стихийную миграцию: теперь договор с хозяйственными органами требовалось не только заключить, но и обязательно зарегистрировать в правлении колхоза. Несоблюдение этого правила грозило отходнику серьезными санкциями, вплоть до исключения из колхоза. Только при выполнении всех предписанных формальностей сам работник и члены его семьи сохраняли право на льготы, гарантированные ранее действовавшим законодательством.

Развитие мартовского законодательства не ограничилось одним постановлением – вслед за ним ведомства (Наркомтруд, Наркомзем и Наркомтяжпром) выпустили серию разъясняющих инструкций, детализировавших процедуру отхода. Прежде всего необходимо было урегулировать положение тех, кто уже находился на промыслах: для крестьян, ушедших на заработки до 17 марта 1933 г., устанавливался переходный период, в течение которого им надлежало до середины июня направить в правление колхоза справку с места работы с указанием персональных данных, должности и сроков договора. Документы вводил обязательный регистрационный порядок для всех последующих

⁸ СЗ СССР. 1933. № 3. Ст. 22.

отходников. Отныне крестьяне должны были предъявлять в сельсовет или правление колхоза договор с предприятием и подтверждающую справку. Сведения из документов заносились в специальную учетную книгу, а на самих бумагах ставилась отметка о регистрации, заверенная подписью председателя и печатью, причем на всю процедуру отводилось всего три дня. Важно подчеркнуть, что местные власти не получали права препятствовать отходу или отзывать колхозника с предприятия. Более того, количество заключаемых договоров и их сроки не ограничивались: по окончании одного договора крестьянин мог заключить новый, вновь уведомив об этом правление⁹.

Параллельно с регламентацией поведения самих крестьян государство выстраивало и механизм организованного набора кадров. В апреле 1933 г. Наркомтяжпром издал постановление, конкретизировавшее применение закона об отходничестве применительно к нуждам промышленности. Документ предписывал создание специального аппарата вербовщиков из числа рабочих, которые получали четкие директивы по заключению договоров с колхозами. На предприятия возлагалась обязанность формировать планы вербовки и направлять их в вышестоящие инстанции. При получении нарядов они должны были заключать с колхозами договоры о содействии, оказывая последним материальную и организационно-техническую помощь для максимального высвобождения рабочей силы¹⁰.

Делать однозначный вывод об эффективности организованного набора рабочих кадров в масштабах всей страны на данном этапе исследования преждевременно. Анализ доступных материалов свидетельствует о значительной региональной и отраслевой неравномерности: если в одних районах оргнаборы действительно справлялись с задачей обеспечения промышленности рабочей силой, то в других их результаты оказывались крайне низкими. Наиболее показательным

примером относительной успешности служит Западная Сибирь, где удельный вес организованно привлеченных рабочих в индустриальную сферу вырос с 36 % в 1932 г. до 86 % в 1933 г. [13, с. 105]. Однако даже частичные успехи на периферии не решали общесоюзной проблемы. В целом по стране в советской промышленности продолжал сохраняться острый дефицит рабочих кадров, особенно в сезонных отраслях и строительстве. Критичность ситуации раскрывают материалы комиссии ВЦИК о ходе паспортизации в Ленинградской области. Согласно отчету, в 1934 г. регион испытывал колоссальный спрос на труд, который не удовлетворялся даже наполовину. Катастрофическое положение сложилось в Дорводмосте (Управление водоканализационного, дорожного, мостового и газового хозяйства): при потребности в 5 тыс. человек на момент проверки не было привлечено ни одного. Аналогичная ситуация фиксировалась и в других ключевых отраслях: строительной сфере требовалось около 200 тыс. человек, а набрано лишь около 100 тыс.; водному транспорту – 6 тыс. человек при 800 набранных; торфопроизводкам – свыше 27 тыс. человек при 15 тыс. привлеченных¹¹.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что механическая вербовка рабочей силы, даже будучи формально успешной в статистических отчетах отдельных регионов, не поспевала за масштабами индустриального строительства. Дополнительным фактором, сводившим на нет усилия по оргнабору, являлась чрезвычайно высокая текучесть кадров, которая объяснялась неудовлетворительными жилищно-бытовыми условиями и крайне низкой оплатой труда, от которой страдали как постоянные неквалифицированные рабочие, так и привлеченные по оргнабору колхозники [14, с. 53]. Таким образом, приходившие на предприятия рабочие, столкнувшись с тяжелыми условиями, часто

⁹ За индустриализацию. 1933. 23 апр.

¹⁰ Там же.

¹¹ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док.: в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. Москва: РОССПЭН, 2004. С. 158-167.

их покидали: оргнабор формально поставлял людей, но промышленность не могла их удержать. Очевидно, что в таких условиях, опасаясь невыполнения государственных планов и программ, директора предприятий и учреждений прибегали к приему на работу беспаспортных крестьян, бежавших из деревни вследствие голода и массовых репрессий.

В условиях сохранявшегося высокого спроса на труд государство было вынуждено частично легализовать стихийное движение отходников для режимных местностей. Постановление СНК СССР № 193 от 19 сентября 1934 г.¹² и последовавший за ним циркуляр Главного управления РК милиции НКВД СССР от 27 сентября 1934 г.¹³ разрешили предприятиям принимать колхозников на работу без оформленных хоздоговоров. Однако это допускалось только при наличии паспорта, полученного по месту жительства, и справки от сельской администрации, санкционирующей переезд. Легализованные таким образом отходники ставились под строгий милицкий контроль. Прописка их паспортов носила временный характер (один раз в три месяца), причем ее продление осуществлялось исключительно по ходатайству администрации предприятия. Оставление или потеря работы автоматически влекли за собой запрет на проживание в режимной местности и немедленное административное выселение.

В 1935 г. законодательство вновь ужесточилось. Постановление СНК СССР № 302 от 27 февраля вводило новое требование о необходимости получения паспорта для населения обычных местностей до выезда с постоянного места жительства¹⁴. Введенные ограничения продолжали сдерживать бегство крестьян из сельской местности, сокращая им легальные способы переезда в города и оседания здесь [15]. Однако из доклада заместителя НКВД СССР В.В. Чернышева председателю СНК СССР В.М. Молотову,

подготовленному в сентябре 1937 г., следовало, что по-прежнему отходничество являлось правомерным способом получения паспортов в сельских непаспортизованных местностях¹⁵. Данное положение было усовершенствовано постановлением СНК СССР от 21 июля 1938 г., которое обязало местные власти оформлять паспорта крестьянам, занимавшимся в порядке оргнабора, в трехдневный срок¹⁶.

Изданию нового документа, регулирующего организованное снабжение промышленности, предшествовали сообщения с мест о глубокой дезорганизации системы хозяйственных наборов. Учет колхозников-отходников в районах, областях и республиках был поставлен настолько плохо, что выдаваемые наряды составлялись на основе устаревших данных. Это приводило к парадоксальным ситуациям: наряды нередко направлялись в те колхозы, где собственных рабочих не хватало, тогда как хозяйства, располагавшие значительным числом отходников, получали наряды в недостаточном объеме.

Не менее острой была проблема и на стороне ведомств-заказчиков. Из-за отсутствия координации наркоматы направляли в одни и те же районы десятки, а зачастую и сотни своих представителей. Следствием становился ажиотаж и нездоровая конкуренция между хозяйственными организациями: завербованные рабочие, уже получившие авансы, переманивались другими ведомствами, которые предлагали новые авансы. В результате набор кадров срывался у большинства организаций.

Между тем, как подчеркивало правительство, в областях и районах имелось значительное число колхозников, которых можно было привлечь на стройки и предприятия. Однако вербовка оставалась крайне затруднительной, а во многих районах – и вовсе невозможной. Особую тревогу вызывало то, что потребности местных нужд удовлетворя-

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9415 сч. Оп. 3. Д. 8. Л. 37.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-9415 сч. Оп. 3. Д. 8. Л. 36.

¹⁴ СЗ СССР. 1935. № 21. Ст. 116.

¹⁵ Вестник архива президента РФ. 1997. № 6 (31). С. 111-112.

¹⁶ Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1938. № 34. Ст. 208.

лись несравненно лучше, чем общегосударственные. В этом, по мнению СНК СССР, проявлялась недооценка областными исполнительными комитетами важности обеспечения союзной промышленности и строительства необходимыми рабочими кадрами.

В соответствии с июльским постановлением был проведен пересмотр ранее выданных нарядов по республикам и областям. В регионах, располагавших достаточным количеством рабочих рук, создавались специальные группы планирования набора рабочих, а также республиканские, областные и районные комиссии по организованному набору рабочей силы. Для контроля за процессом вводились штатные должности уполномоченных и инспекторов, а за каждой областью закреплялось, как правило, одно–два ведомства-потребителя рабочей силы, что должно было устранить «нездоровую конкуренцию» между хозяйственными организациями.

Постановление детально регламентировало условия набора: оплату проезда и сопровождение рабочих до места работы, выдачу аванса (100 рублей, для Дальнего Востока – 200 рублей), обустройство в общежитиях, организацию питания и культурно-политической работы, а также создание условий для повышения квалификации колхозников за счет предприятия. Кроме того, в случае желания работника закрепиться на предприятии на постоянной основе предусматривался перевоз его семьи в город за счет хозяйственной организации.

Контроль над организованным набором рабочей силы передавался многоуровневой системе органов, централизованно охватывавшей все этапы – от планирования до отправки рабочих. На союзном уровне при Экономическом совете СНК СССР создавалась постоянно действующая комиссия по организованному набору рабочих-отходников. Аналогичные комиссии учреждались при Совнаркомах РСФСР, УССР и БССР. В республиках и областях, выделенных как имеющие наибольшее количество отходников, при Госпланах (облпланах) организовывались специальные группы планирования

набора, а регулирование процесса возлагалось на республиканские, областные и районные комиссии в составе заместителя председателя Совнаркома (облисполкома, райисполкома), наркома земледелия (зав. облзо, райзо) и председателя Госплана (облплана, райплана). Для непосредственного ведения набора на местах каждый наркомат-потребитель направлял в закрепленную за ним область своего уполномоченного с небольшим аппаратом; в районах работу осуществляли два–три инспектора, подчиненные этому уполномоченному. Тем самым контроль за оргнаборами был изъят у стихийно действовавших хозяйственных организаций и передан жестко структурированной вертикали, сочетавшей плановые, земельные и административные органы. Принятые меры были направлены на внедрение в некоторые промышленные отрасли мобилизационного принципа закрепления кадров, который заменит оргнаборы в 1942 г.

Численность отходников (неорганизованная миграция) в 1928–1929 гг., а начиная с 1931 г. – количество работников, нанятых в промышленность через оргнаборы, менялось: 1928 г. – 5,4 млн человек; 1929 г. – 4,3; 1931 г. – 5,4; 1932 г. – 3,6; 1933 г. – 1,8; 1934 г. – 3,2; 1935 г. – 3,1; 1936 г. – 3,1; 1937 г. – 1,5; 1938 г. – 2; 1939 г. – 2,3; 1940 г. – 2,3 млн человек [16, с. 120]. Приведенные цифры показывают, что неорганизованная миграция сельского населения достигала максимальных масштабов в период первой пятилетки. Пик 1931 г. (5,4 млн) и провал 1933 г. (1,8 млн) объясняются кризисом, связанным с голодом, политикой большевиков в деревне, ужесточением паспортного режима и последующими «чистками» в промышленности. В последующие годы объемы оргнаборов снизились. Причины были комплексными: введение законодательных ограничений в 1930-е гг., увеличение сроков работы завербованных, сокращение сезонности производства, превращение временных работников в постоянные, прикрепленные к производству. Кроме того, промышленность все больше нуждалась в качественном росте ра-

бочих – на первый план вышла задача подготовки обученных специалистов.

ВЫВОДЫ

Таким образом, с конца 1920-х – 1930-е гг. государственное регулирование рынка труда в СССР прошло сложную эволюцию – от либеральных механизмов свободного найма периода нэпа к жесткой централизованной системе распределения и ограничения мобильности рабочей силы. Исходной точкой трансформации стал массовый кадровый голод, вызванный стремительной индустриализацией, который пришел на смену острой безработице первых послереволюционных лет. Ключевым противоречием эпохи стало расхождение между потребностью промышленности в притоке рабочей силы из деревни и стремлением государства контролировать этот процесс. Преодолевая сопротивление местных властей, заинтересованных в сохранении трудовых ресурсов в колхозах, центр инициировал переход от стихийного отходничества к системе организованного набора. Введение паспортной системы, разделив население на «городских» и «сельских», законодательно закрепило ограничения передви-

жения крестьян, но при этом оставила легальные каналы для их привлечения в промышленность через оргнабор. Эволюция нормативной базы (от постановления 1930 г., легализовавшего свободный отход, к ужесточению 1931 г. и окончательной монополии оргнабора в 1933 г.) демонстрирует стремление государства заменить стихийную миграцию плановым перераспределением ресурсов. Однако эта система не была абсолютно эффективной. Она страдала от ведомственной несогласованности, высокой текучести кадров, вызванной тяжелыми условиями труда, и сохранявшегося дефицита рабочих рук. Несмотря на запреты, практика приема на работу «беспаспортных» крестьян сохранялась, что вынуждало власти идти на частичную легализацию стихийной миграции. Вместе с тем введение паспортной системы и системы оргнабора стало для государства инструментом «социальной фильтрации». Эти меры позволили в определенной степени упорядочить миграционные потоки и обеспечить кадрами ударные стройки первой пятилетки. Уже со второй половины 1930-х гг. в рамках политики по плановому формированию трудовых резервов стала вводиться практика трудовых мобилизаций, вытеснившая на время систему оргнаборов.

Список источников

1. Лексин В.Н. Новое отходничество и вахтовая организация труда в процессах депопуляции и заселения территорий // Регион: экономика и социология. 2021. № 3 (111). С. 133-153. <https://doi.org/10.15372/REG20210306>, <https://elibrary.ru/ipiyzg>
2. Перепелицын А.В., Фурсов В.Н. Крестьянское хозяйство Центрально-Черноземных губерний России в пореформенный период. Воронеж, 2022. 232 с. <https://elibrary.ru/htxjog>.
3. Исунов В.А. Паспортная статистика как источник по истории миграции в России (РСФСР) в годы Великой Отечественной войны // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5. № 1. С. 26-39. <https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.2>, <https://elibrary.ru/wkbtw>
4. Аблажей Н.Н. Паспортизация населения режимных городов Кузбасса в 1933 г. // СибСкрипт. 2024. Т. 26. № 6. С. 990-1001. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-990-1001>, <https://elibrary.ru/blqzkn>
5. Potanova N. Soviet migration in the context of passportization in the early 1930s // Gumilyov Journal of History. 2025. Vol. 151. № 2. P. 64-80. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-151-2-64-80>, <https://elibrary.ru/irgqqy>
6. Жидкевич Н.Н., Плюснин Ю.М., Позаненко А.А. К вопросу о современном отходничестве как преемственной модели жизнеобеспечения российской периферии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 132-142. <https://elibrary.ru/vhlibv>

7. Потапова Н.А. Безработица в СССР в 1920-е годы: идеологическая доктрина и экономическая реальность // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 134-135. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-6-11>, <https://elibrary.ru/endwqw>
8. Моисеенко В.М. Отход сельского населения на заработки в СССР в 1920-е годы // Народонаселение. 2017. № 3 (77). С. 51-62. <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-3-4>, <https://elibrary.ru/zwtfiz>
9. Красильников С.А. От найма к обязательности и принуждению: труд как политико-экономический ресурс власти начала 1930-х гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 30. С. 45-52. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.30.45>, <https://elibrary.ru/hpkhwy>
10. Кесслер Х. Коллективизация и бегство из деревни – социально-экономические показатели. 1929–1939 гг. // Экономическая история. Обзор. Москва, 2003. Вып. 9. С. 77-79.
11. Чернолуцкая Е.Н. Принудительная миграция на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011. 511 с. <https://elibrary.ru/qpunev>
12. Байбурин А.К. Советский паспорт: история – структура – практики. Санкт-Петербург, 2017. 488 с. <https://elibrary.ru/xmvsqp>
13. Московский А.С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1968. 300 с.
14. Ильина О.В. Правовое регулирование трудовой миграции в 1930-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 2 (54). С. 50-56. <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2020-2-6>, <https://elibrary.ru/rswvty>.
15. Попов В.П. Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6. С. 185-203. <https://elibrary.ru/smukwm>
16. Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса: 1917–1940 гг. Москва: Мысль, 1976. 264 с.

References

1. Leksin V.N. (2021). New otkhodnichestvo and shift labor organization in the processes of depopulation and settlement of territories. *Region: ekonomika i sotsiologiya = Region: Economics and Sociology*, no. 3 (111), pp. 133-153. (In Russ.) <https://doi.org/10.15372/REG20210306>, <https://elibrary.ru/ipiyzg>
2. Perepelitsyn A.V., Fursov V.N. (2022). *Peasant Economy of the Central Chernozem Provinces of Russia in the Post-Reform Period*. Voronezh, 232 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/htxjog>
3. Isupov V.A. (2025). Passport statistics as a source for the history of migration in Russia (RSFSR) during the Second World War. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya = Demis. Demographic Research*, vol. 5, no. 1, pp. 26-39. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.2>, <https://elibrary.ru/wkbtiv>
4. Ablazhei N.N. (2024). Passport system campaign in the closed cities of Kuzbass in 1933. *SibSkript*, vol. 26, no. 6, pp. 990-1001. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-990-1001>, <https://elibrary.ru/blqzkn>
5. Potapova N. (2025). Soviet migration in the context of passportization in the early 1930s. *Gumilyov Journal of History*, vol. 151, no. 2, pp. 64-80. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-151-2-64-80>, <https://elibrary.ru/irgqqy>
6. Zhidkevich N.N., Plyusnin Yu.M., Pozanenko A.A. (2015). Revisiting the contemporary otkhodnichestvo as a traditional subsistence pattern in the Russian province. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = World of Economics and Management*, vol. 15, no. 2, pp. 132-142. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vhlibv>
7. Potapova N.A. (2021). Unemployment in the Soviet State in the 1920s: ideological doctrine and economic reality. *Istoricheskii kur'er = Historical Courier*, no. 6 (20), pp. 134-135. (In Russ.) <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-6-11>, <https://elibrary.ru/endwqw>
8. Moiseenko V.M. (2017). Season migration of rural population for earnings in the USSR in 1920's. *Narodonaselenie = Population*, no. 3 (77), pp. 51-62. (In Russ.) <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-3-4>, <https://elibrary.ru/zwtfiz>
9. Krasil'nikov S.A. (2019). From recruitment to compulsion and coercion: labor as a political and economic resource of the government power in the beginning of the 1930s. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya = Izvestiya Irkutsk State University. Series: History*, vol. 30, pp. 45-52. (In Russ.) <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.30.45>, <https://elibrary.ru/hpkhwy>

10. Kessler H. (2003). Collectivization and flight from the countryside are socio-economic indicators. 1929–1939. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie = Economic History. Review*, vol. 9, pp. 77-79. (In Russ.)
11. Chernolutskaia E.N. (2011). *Forced Migration in the Soviet Far East in the 1920s and 1950s*. Vladivostok, 511 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qpunev>
12. Baiburin A.K. (2017). *The Soviet Passport: History – Structure – Practice*. St. Petersburg, 488 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xmvsqp>
13. Moskovskii A.S. (1968). *Formation and Development of the Siberian Working Class during the Construction of Socialism*. Novosibirsk, 300 p. (In Russ.)
14. Il'ina O.V. (2020). Legal regulation of labor migration in the 1930s. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki = University Proceedings. Volga Region. Humanities*, no. 2 (54), pp. 50-56. (In Russ.) <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2020-2-6>, <https://elibrary.ru/rswvty>
15. Popov V.P. (1996). Passport system of Soviet serfdom. *Novyi mir = New World*, no. 6, pp. 185-203. (In Russ.) <https://elibrary.ru/smukwm>
16. Vdovin A.I., Drobizhev V.Z. (1976). *Growth of the Working Class: 1917–1940*. Moscow, 264 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Потапова Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора истории социально-экономического развития, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Российская Федерация.

SPIN-код: [2474-4739](#)

РИНЦ AuthorID: [936974](#)

Scopus Author ID: [57218222955](#)

<https://orcid.org/0000-0001-8562-0310>

skna17talya@mail.ru

Поступила в редакцию 24.02.2026

Одобрена после рецензирования 19.05.2026

Принята к публикации 08.06.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Natalia A. Potapova, Cand. Sci. (History), Researcher in the Sector of Socio-Economic Development History, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation.

SPIN-code: [2474-4739](#)

RSCI AuthorID: [936974](#)

Scopus Author ID: [57218222955](#)

<https://orcid.org/0000-0001-8562-0310>

skna17talya@mail.ru

Received 24.02.2026

Approved 19.05.2026

Accepted 08.06.2026

The author has read and approved the final manuscript.